

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Ортега-и-Гассет Хосе

В поисках Гете

Письмо к немецкому другу.

Дорогой друг, Вы просите меня написать что-нибудь о Гете к столетней годовщине со дня его смерти, и я попробовал уяснить себе, смогу ли удовлетворить Вашу просьбу. Давно не перечитывая Гете - интересно почему? я вновь обратился к обширным томам его полного собрания сочинений, однако вскоре понял, что одной доброй воли здесь недостаточно и я не смогу выполнить Вашей просьбы по целому ряду причин. Прежде всего, я не гожусь на то, чтобы отмечать столетние юбилеи. А Вы? Да и вообще найдется ли сегодня хоть один европеец, склонный к подобным занятиям? Нас слишком тревожит наш 1932 год, чтобы уделять внимание событиям далекого 1832-го. Впрочем, самое важное даже не это. Важнее всего, что, хотя наша жизнь в 1932-м стала от начала до конца проблематичной, самое проблематичное в ней - ее связь с прошлым. Люди еще не отдали себе в этом полного отчета, поскольку и настоящее и будущее всегда полны для них зримо драматизма. Вполне очевидно: и настоящее и будущее не раз уже представляли человека с большей остротой и напряженностью. То, что возводит нашу сегодняшнюю ситуацию в ранг небывалой сложности среди прочих исторических событий, связано не столько с этими двумя временными измерениями, сколько с другим. Пристальнее взглянув на свое нынешнее положение, европеец неизбежно приходит к выводу, что источник его отчаяния не настоящее и не будущее, а прошлое.

Жизнь - акт, устремленный вперед. Мы живем из будущего, ибо жизнь непреложно состоит в деянии, в становлении жизни каждого самою собой. Называя "действием" дело, мы искажаем смысл этой серьезной и грозной реальности. "Действие" только начало дела, момент, когда мы решаем, что делать, момент выбора. А значит, правильно сказано: Im Anfang war die Tat[1]. Но жизнь не только начало. Начало - это уже сейчас. А жизнь - длительность, живое присутствие в каждом мгновении того, что настанет потом. Вот почему она отягощена неизбежным императивом осуществления. Мало просто действовать, другими словами, принять решение, - необходимо произвести задуманное, сделать его, добиться его исполнения. Это требование действительного осуществления в мире, за пределами нашей чистой субъективности, намерения и находит выражение в "деле". Оно заставляет нас искать средства, чтобы прожить, осуществить будущее, и тогда мы открываем для себя прошлое арсенал инструментов, средств, предписаний, норм. Человек, сохранивший веру в прошлое, не боится будущего: он твердо уверен, что найдет в прошлом тактику, путь, метод, которые помогут удержаться в проблематичном завтра. Будущее - горизонт проблем, прошлое - твердая почва методов, путей, которые, как мы полагаем, у нас под ногами. Дорогой друг, представьте себе ужасное положение человека, для кого прошлое, иными словами, надежное, внезапно стало проблематичным, обернулось бездонной пропастью. Если раньше опасность, по его мнению, была впереди, теперь он чувствует ее и за спиной и у себя под ногами.

Но разве не это мы переживаем сегодня? Мы мнили себя наследниками прекрасного прошлого, на проценты с которого надеялись прожить. И теперь, когда прошлое давит на нас ошутимее, чем на наших предшественников, мы оглядываемся назад, протягивая руки к испытанному оружию; но, взяв его, с удивлением видим, что это картонные мечи, негодные приемы, театральные atrezzo[2], который разбивается на куски о суровую бронзу нашего будущего, наших проблем. И внезапно мы ощущаем себя лишенными наследства, не имеющими традиций, грубыми дикарями, только что явившимися на свет и не знающими своих предшественников. Римляне считали патрициями тех, кто мог сделать завещание или оставить наследство. Остальные были пролетариями - потомками, но не наследниками. Наше наследство заключалось в методах, или в классиках.

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
Но нынешний европейский, или мировой кризис – это крах всего классического. И вот нам кажется, что традиционные пути уже не ведут к решению наших проблем. Можно продолжать писать бесконечные книги о классиках. Самое простое, что можно с чем-либо сделать, – написать об этом книгу. Гораздо труднее жить этим. Можем ли мы сегодня жить нашими классиками? Не страдает ли ныне Европа какой-то странной духовной пролетаризацией?

Капитуляция Университета перед насущными человеческими потребностями, тот чудовищный факт, что в Европе Университет перестал быть *royvaire spirituel*[3], только одно из следствий упомянутого кризиса: ведь Университет – это классика.

Вне всяких сомнений, эти обстоятельства решительно противоречат оптимистическому духу столетних юбилеев. Справляя столетнюю годовщину, богатый наследник радостно перебирает сокровища, завещанные ему временем. Но печально и горько перебирать потерявшее цену. И единственный вывод здесь убеждение в глубоких изъянах классика. Под беспощадным, жестоким светом современной жизненной потребности от фигуры классика остаются лишь голые фразы и пустые претензии. Несколько месяцев назад мы справили юбилей двух титанов, Блаженного Августина и Гегеля, – плачевный результат налицо. Ни об одном из них так и не удалось сказать ничего значительного.

Наше расположение духа совершенно несовместимо с культом. В минуту опасности жизнь отряхает с себя все не имеющее отношения к делу; она сбрасывает лишний вес, превращаясь в чистый нерв, сухой мускул. Источник спасения Европы – в сжати до чистой сути.

Жизнь сама по себе и всегда – кораблекрушение. Терпеть кораблекрушение не значит тонуть. Несчастный, чувствуя, с какой неумолимой силой затягивает его бездна, яростно машет руками, стремясь удержаться на плаву. Эти стремительные взмахи рук, которыми человек отвечает на свое бедствие, и есть культура – плавательное движение. Только в таком смысле культура отвечает своему назначению – и человек спасается из своей бездны[4]. Но десять веков непрерывного культурного роста принесли среди немалых завоеваний один существенный недостаток: человек привык считать себя в безопасности, утратил чувство кораблекрушения, его культура отяготилась паразитическим, лимфатическим грузом. Вот почему должно происходить некое нарушение традиций, обновляющее в человеке чувство шаткости его положения, субстанцию его жизни. Необходимо, чтобы все привычные средства спасения вышли из строя и человек понял: ухватиться не за что. Лишь тогда руки снова придут в движение, спасая его.

Сознание потерпевших крушение – правда жизни и уже потому спасительно. Я верю только идущим ко дну. Настала пора привлечь классиков к суду потерпевших крушение – пусть они ответят на несколько неотложных вопросов о подлинной жизни.

Каким явится Гете на этот суд? Ведь он – самый проблематичный из классиков, поскольку он классик второго порядка. Гете – классик, живущий, в свою очередь, за счет других классиков, прототип духовного наследника (в чем сам он отдавал себе полный отчет). Одним словом, Гете – патриций среди классиков. Этот человек жил на доходы от прошлого. Его творчество сродни простому распоряжению унаследованными богатствами – вот почему и в жизни и в творчестве Гете неизменно присутствует некая филистерская черта, свойственная любому администратору. Мало того: если все классики в конечном счете классики во имя жизни, он стремится быть художником самой жизни, классиком жизни. Поэтому он строже, чем кто-либо, обязан отчитаться перед жизнью.

Как видите, вместо того, чтобы прислать Вам что-нибудь к столетию Гете, я вынужден просить Вас об этом сам. Операция, которой следовало бы подвергнуть Гете, слишком серьезна и основательна, чтобы ее смог предпринять кто-либо, кроме немца. Возьмите на себя труд ее осуществить. Германия задолжала нам хорошую книгу о Гете. До сих пор наиболее удобочитаемой была книга Зиммеля, хотя, как и все его сочинения, она страдает неполнотой, поскольку этот острый ум, своего рода философская белка, никогда не делал из выбранного предмета проблемы, превращая его, скорее, в помост для виртуозных упражнений своей аналитической мысли. Кстати, указанный недостаток присущ всем немецким книгам о Гете: автор пишет работу, посвященную Гете, но не ставит проблемы Гете, не ставит под сомнение его самого, не подводит своего анализа под Гете. Только обратите

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
внимание, как часто употребляют писатели слова "гений", "титан" и прочие бессмысленные вокабулы, к которым никто, кроме немцев, давно уже не прибегает, и Вы поймете истинную цену подобных пустых словоизвержений на темы Гете. Не следуйте им, мой друг! Сделайте то, о чем говорил Шиллер. Попытайтесь обойтись с Гете как с "неприступной девственницей, которой нужно сделать ребенка, чтобы опозорить ее перед всем светом". Дайте нам Гете для потерпевших кораблекрушение!

Не думаю, чтобы Гете отказался явиться на суд насущных потребностей жизни. Сам этот вызов – вполне в духе Гете и вообще наилучший способ с ним обойтись. Разве он не делал того же по отношению к остальному, ко всему остальному? *Нiс Rhodus, нiс salta*. Здесь жизнь – здесь и танцуй. Кто хочет спасти Гете, должен искать его здесь.

Однако я не вижу сейчас прока в исследовании творчества Гете, если оно не ставит – и притом в принципиально иной форме – проблемы его жизни. Все написанные до сих пор биографии Гете грешат излишней монументальностью. Как будто авторы получили заказ извлекать статистику Гете для городской площади или составить туристический путеводитель по его миру. Задача в конечном счете была одна – ходить вокруг Гете. Вот почему им так важно было создать масштабную фигуру, с отчетливой внешней формой, не затрудняющей глаз. Любая монументальная оптика отличается прежде всего четырьмя недостатками: торжественным видением извне, которое отделено от предмета известным расстоянием и лишено исходного динамизма. Подобный монументализм только сильнее бросается в глаза от тех бесчисленных анекдотов и подробностей, которые сообщает биограф: избранная макроскопическая, удаленная перспектива не позволяет нам наблюдать сам момент обретения формы, так что все собранные факты начисто лишаются для нас самомалейшего значения.

Гете, которого прошу у Вас я, должен быть изображен с использованием обратной оптики. Я хочу, чтобы Вы показали нам Гете изнутри. Изнутри кого? Самого Гете? Однако кто такой Гете? Поскольку я не уверен, что Вы поняли меня правильно, постараюсь уточнить свою мысль. Когда Вы недвусмысленно спрашиваете себя "кто я?" – не "что я?", а именно "кто тот "я", о котором я твержу каждый миг моего повседневного существования?", – то Вам неизбежно открывается чудовищное противоречие, в которое постоянно впадает философия, называя "я" самые странные вещи, но никогда – то, что Вы называете "я" в Вашей обыденной жизни. Это "я", которое составляет Вас, не заключается, мой друг, в Вашем теле, а равно и в Вашем сознании. Конечно, Вы имеете дело с определенным телом, душой, характером, точно так же как и с наследством, оставленным родителями, землей, где родились, обществом, в котором живете. Но так же, как Вы – не Ваша печень, большая или здоровая, так Вы и не Ваша память, хорошая она или плохая, а также и не Ваша воля, сильная она или слабая, и не Ваш ум, будь он острый или посредственный. "я", которое составляет Вас, обретает все это – тело или психику, – лишь когда само участвует в жизни. Вы – тот, кто должен жить с ними и посредством их; Вы, вероятно, всю жизнь будете яростно протестовать против того, что Вам дано, к примеру против отсутствия воли, так же как протестуете против Вашего большого желудка или холода в своей стране. Итак, душа настолько же внеположна "я", которое составляет Вас, как и пейзаж, окружающий Ваше тело. Если хотите, я даже готов признать, что Ваша душа – самое близкое, с чем Вы сталкиваетесь, но и она – не Вы. Надо освободиться от традиционного представления, которое неизменно сводит реальность к какой-либо вещи телесной или психической. Вы – не вещь, а тот, кто вынужден жить с вещами и среди них, и не любую из жизней – одной определенной. Жизни вообще не бывает. Жизнь – неизбежная необходимость осуществить именно тот проект бытия, который и есть каждый из нас. Этот проект, или "я", не идея, не план, задуманный и произвольно избранный для себя человеком. Он дан до всех идей, созданных человеческим умом, и до всех решений, принятых человеческой волей. Более того: как правило, мы имеем о нем лишь самое смутное представление. И все-таки он – наше подлинное бытие, судьба. Наша воля в силах осуществить или не осуществить жизненный проект, который в конечном счете есть мы, но она не в силах его исправить, переиначить, обойти или заменить. Мы с неизбежностью – тот программный персонаж, который призван осуществить самого себя. И окружающий мир и собственный наш характер могут так или иначе облегчать или затруднять это самоосуществление. Жизнь, в самом прямом смысле этого слова, драма, ибо она есть жестокая борьба с вещами (включая и наш характер), борьба за то, чтобы быть действительно тем, что содержится в нашем проекте.

Отсюда – новая, принципиально отличная от рутинной структура биографии. До

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
с их пор биографу удавалось достичь успеха лишь постольку, поскольку он был психологом. Владея даром переселяться в человека, он открывал в нем часовой механизм – характер и душу субъекта. Не стану оспаривать ценности подобных наблюдений. Биография так же нуждается в психологии, как и в физиологии. Но все их значение не выходит за рамки простой информации. Необходимо отбросить ложную предпосылку, будто бы жизнь человека протекает внутри него и, следовательно, может быть сведена к чистой психологии. Наивные мечтания! В таком случае не было бы ничего проще жизни, ибо жить означало бы плавать в своей стихии. К несчастью, жизнь бесконечно далека от всего, что можно признать субъективным фактом, поскольку она – самая объективная из реальностей. Жизнь отличается именно погруженностью "я" человека в то, что не есть он сам, в чистого другого, то есть в свои обстоятельства. Жить – значит выходить за пределы себя самого, другими словами, осуществляться. Жизненная программа, которой неизбежно является каждый, воздействует на обстоятельства, согласуя их с собой. Подобное единство драматического динамизма между обоими элементами – "я" и миром – и есть жизнь. Связь между ними образует пространство, где находятся человек, мир и... биограф. Это пространство и есть то подлинное изнутри, откуда я прошу Вас увидеть Гете. Не изнутри самого Гете, а изнутри его жизни, или его драмы. Дело не в том, чтобы увидеть жизнь Гете глазами Гете, в его субъективном видении, а в том, чтобы вступить как биограф в магический круг данного существования, стать наблюдателем замечательного объективного события, которым была эта жизнь и чьей всего лишь частью был Гете.

За исключением этого программно персонажа, в мире нет ничего достойного называться "я" в точном смысле этого слова. Ибо именно свойства этого персонажа однозначно определяют оценки, которые получает в жизни все наше: тело, душа, характер и обстоятельства. Они наши, поскольку благоприятно или нет относятся к призванному осуществить себя персонажу. Вот почему двое разных людей никогда не могут находиться в одинаковом положении. Обстоятельства по-разному отвечают особой тайной судьбе каждого из них. "я" – определенное и сугубо индивидуальное, мое давление на мир, мир – столь же определенное и индивидуальное сопротивление мне.

Человек, другими словами, его душа, способности, характер и тело, сумма приспособлений, с помощью которых он живет. Он как бы актер, долженствующий сыграть персонаж, который есть его подлинное "я". И здесь мы подходим к главной особенности человеческой драмы: человек достаточно свободен по отношению к своему "я", или судьбе. Он может отказаться осуществить свое "я", изменить себе. При этом жизнь лишается подлинности. Если не ограничиваются привычным определением призвания, когда под ним подразумевают лишь обобщенную форму профессиональной деятельности, собственный curriculum[5], а считать его цельной, сугубо индивидуальной программой существования, то лучше всего сказать, что наше "я" – это наше призвание. Мы можем быть более или менее верны своему призванию, а наша жизнь – более или менее подлинной.

Если определить таким образом структуру человеческой жизни, можно прийти к выводу, что построение биографии подразумевает решение двух основных вопросов, до сих пор не занимавших биографов. Первый – обнаружить жизненное призвание биографируемого, которое, вероятно, было неразрешимой загадкой и для него самого. Так или иначе, всякая жизнь – руины, по которым мы должны обнаружить, кем призван был стать тот или иной человек. Подобно тому как физики строят свои "модели", мы должны постараться построить воображаемую жизнь человека, контуры его счастливого существования, на которые потом можно было бы нанести зарубки, зачастую довольно глубокие, сделанные его внешней судьбой. Наша реальная жизнь – большая или меньшая, но всегда существенная деформация нашей возможной жизни. Поэтому, во-вторых, надо определить, в какой степени человек остался верен собственной уникальной судьбе, своей возможной жизни.

Самое интересное – борьба не с миром, не с внешней судьбой, а с призванием. Как ведет себя человек перед лицом своего неизбежного призвания? Посвящает ли он ему всего себя или довольствуется всевозможными суррогатами того, что могло бы стать его подлинной жизнью? Вероятно, самый трагический удел – всегда открытая человеку возможность подменить самого себя, иными словами, фальсифицировать свою жизнь. Существует ли вообще какая-то другая реальность, способная быть тем, что она не есть, отрицанием самой себя, своим уничтожением?

Вы не находите, что стоит попытаться построить жизнь Гете с этой, подлинно

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
внутренней точки зрения? Здесь биограф помещает себя внутрь той единственной драмы, которой является каждая жизнь, погружается в стихию подлинных движущих сил, радостных и печальных, составляющих истинную реальность человеческого существования. У жизни, взятой с этой, глубоко внутренней стороны, нет формы, как ее нет у всего, что рассматривается изнутри себя самого. Форма – всегда только внешний вид, в каком действительность предстает наблюдателю, который созерцает ее извне, тем самым превращая в чистый объект. Если нечто – объект, значит, оно лишь видимость для другого, а не действительность для себя. Жизнь не может быть чистым объектом, поскольку состоит именно в исполнении, в действенном проживании, всегда неопределенном и незаконченном. Жизнь не выносит взгляда извне: глаз должен переместиться в нее, сделав саму действительность своей точкой зрения.

Мы слегка утомились от статуи Гете. Войдите внутрь его драмы, отбросьте холодную, бесплодную красоту его изваяния. Наше тело, рассмотренное изнутри, абсолютно лишено того, что обыкновенно зовется формой и что на самом деле является лишь формой внешней, макроскопической. Наше тело имеет только *feinerer Bau*[6], микроскопическую структуру тканей, обладая в конечном счете лишь чистым химическим динамизмом. Дайте нам Гете, терпящего кораблекрушение в своем существовании; Гете, ощущающего потерянность в нем, ежесекундно не знающего, что с ним случится. Именно таков Гете, чувствовавший себя "волшебной раковиной, омываемой волнами чудесного моря".

Разве событие такого масштаба не стоит усилий? Благодаря качеству произведений Гете мы знаем о нем больше, чем о любом другом. Итак, мы вернее, Вы можете творить *ex abundantia*[7].

Однако есть в числе прочего еще одна причина, заставляющая предпринять такую попытку именно по отношению к Гете. Он первым начал понимать, что жизнь человека – борьба со своей тайной, личной судьбой, что она – проблема для самой себя, что ее суть не в том, что уже стало (как субстанция у античного философа и в конечном счете, хотя и выражено гораздо тоньше, у немецкого философа-идеалиста), но в том, что, собственно говоря, есть не вещь, а абсолютная и проблематичная задача. Вот почему Гете постоянно обращается к своей собственной жизни. Относить подобное настойчивое стремление целиком на счет его эгоизма столь же непродуктивно, как пытаться придать ему "художественное" истолкование – как будто можно вообразить себе Гете, ваяющего собственную статую. Искусство достойно самого глубокого уважения, но в целом рядом с глубокой серьезностью жизни оно легкомысленно и фривольно. И потому любая ссылка на искусство жизни полностью безответственна. Гете серьезно озабочен собственной жизнью как раз потому, что жизнь – забота о самой себе[*В своей замечательной книге "Бытие и время", опубликованной в 1927 году, Хайдеггер дает жизни сходное определение. Не берусь определить степень родства между философией Хайдеггера и той, которая вдохновляет мои сочинения, отчасти потому, что труд Хайдеггера еще не закончен, отчасти потому, что и мои идеи не получили еще адекватного представления в печати. Но считаю свои долгом заявить, что обязан этому автору очень немногим. Едва ли найдется два или три важных понятия Хайдеггера, которые не существовали бы ранее, иногда на тринадцать лет ранее, в моих книгах. Например, идея жизни как тревоги, заботы, небезопасности и культуры как безопасности и заботы о безопасности содержится в моем первом произведении, "Размышления о "Дон Кихоте", опубликованном в 1914 году (!), – глава "культура – безопасность" (с. 116-117). Более того, уже там было положено начало применению этих идей к истории философии и культуры – на примере частного, но столь важного для темы события, каким был Платон. То же можно сказать об освобождении от "субстанциализма", от любой "вещности" в идее бытия, если предположить, что Хайдеггер пришел к такому же пониманию этой идеи. Следует отметить, что я излагаю ее уже давно в своих публичных лекциях в том виде, как она сформулирована в предисловии к моей первой книге (с. 42). Далее она была развита в моих различных изложениях теории перспективизма (сегодня я предпочитаю этому термину другие, более динамичные и менее интеллектуальные)] [8]. Жизнь как столкновение "я" и его обстоятельств, как "динамический диалог между индивидуумом и миром" – такие положения получили развитие во многих местах моей книги. Структура жизни как предвосхищение будущего – наиболее частный *leitmotiv* моих сочинений, обусловленный, конечно, моментами весьма далекими от проблемы жизни, к которой я применяю его, вдохновленный логикой Когена. Точно так же – "поглощение обстоятельств как конкретная судьба человека" (с. 43) и теория "нерушимой основы",

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org которую затем я назвал "подлинное я". Даже интерпретация истины как *aletheia*, в этимологическом смысле – "открытия, разоблачения, снятия завесы", приводится на 80-й странице, с тем отягощающим обстоятельством, что в этой книге знание носит – столь актуальное! – имя "света", "ясности" как императива и миссии, включенных в "источник конституции человека". Я в первый и последний раз делаю это замечание, поскольку зачастую весьма удивлен, когда даже очень близкие мне люди имеют самое отдаленное представление о том, что я думал и писал. Находясь в плену моих образов, они не замечают моих идей. Я очень многим обязан немецкой философии и надеюсь, что никто не станет преуменьшать моей очевидной заслуги в обогащении испанского мышления интеллектуальными сокровищами Германии. Но, быть может, я слишком преувеличил этот момент и слишком замаскировал свои собственные радикальные открытия. Например: "жить, безусловно, означает иметь дело с миром, обращаться к миру, действовать в нем, заботиться о нем". Кто это написал? Хайдеггер в 1927 году или же это было опубликовано под моим именем в газете "Ла Насьон" в Буэнос-Айресе в декабре 1924 года, а затем было включено в седьмой том журнала "Эспектадор" ("Спортивное происхождение государства")? Ибо самое печальное состоит в том, что эта формула не случайна, но лежит, подчеркиваю, в основе того предположения, что философия единственна человеческой жизни, ибо последняя нуждается в том, чтобы выйти в "мир", который представлен на моих страницах не как сумма вещей, но как "горизонт" (*sic*) целостности, превосходящий вещное и отличный от него. Быть может, сказанное устыдит тех молодых людей, которые, не имея, впрочем, злого умысла, этого не заметили. Если бы речь шла о злом умисле, я бы не стал обращать внимания. Но самое неприятное то, что, имея благие намерения, эти молодые люди многого не знали. Вот почему их благие намерения становятся проблематичными. В сущности, все подобные замечания можно ввести к одному, которого я никогда не делал и которое ныне выскажу в самой лаконичной форме. В 1923 году я опубликовал книгу, носящую несколько торжественное название, быть может, ныне, когда мое существование приближается к зрелости, я бы предпочел не давать своему сочинению подобного заглавия – "Тема нашего времени". В этой книге с не меньшей торжественностью сделано заявление, что тема нашего времени – задача привести чистый разум к "разуму жизни". Нашелся ли хоть один человек, который бы попытался – я не говорю сделать какие-то непосредственные выводы из этого положения, но просто его осмыслить? Несмотря на мои протесты, все время говорят о моем витализме; никто, однако, не взялся осмыслить одновременно, как и предлагается в этой формуле, слова "разум" и "жизненный". Итак, никто не говорил о моем "рациовитализме". И даже теперь, когда я указал на это обстоятельство, много ли людей поймут его, осмыслят "критику жизненного разума", которая провозглашена в этой книге? Поскольку я молчал столько лет, я буду продолжать молчать и дальше. Пусть это краткое замечание будет единственным перерывом в моем молчании, поскольку преследует только одну цель – наставить на путь истинный всех, кто не понял меня, хотя и хотел понять[9]].

Признав этот факт, Гете становится первым из наших современников, если угодно, первым романтиком. Ибо по ту сторону любых историко-литературных определений романтизм значит именно это, иными словами, до-понятийное осознание того, что жизнь – не реальность, встречающая на пути определенное число проблем, а реальность, которая сама по себе всегда проблема.

Разумеется, Гете сбивает нас с толку, поскольку его жизненная идея биологическая, ботаническая. О жизни, как и о прошлом, у него лишь самое внешнее представление. Вот еще одно подтверждение тому, что все человеческие идеи имеют лишь поверхностное значение для доинтеллектуальной, жизненной истины. Представляя свою жизнь в образе растения, Гете тем не менее ощущает ее, вернее, она для него существует как драматическая забота о своем бытии.

На мой взгляд, подобный ботанизм Гете-мыслителя во многом мешает признать плодотворность его идей для решения насущных проблем современного человека. В противном случае мы могли бы взять на вооружение немало используемых им терминов. Когда, ища ответ на вопрос, поставленный выше, на неотложный вопрос "кто я?", он отвечал "энтелехия", то находил, возможно, самое точное слово для того жизненного проекта, того неотвратимого призвания, в котором заключается наше подлинное "я"[10]. Каждый – тот, "кем он должен быть", хотя это, вероятно, ему так и не удастся. Разве можно выразить это одним словом, не прибегая к понятию "энтелехия"! Но старинное слово привносит с собой тысячелетнюю биологическую традицию, придающую ему нелепый смысл условного Зоон, чудесной магической силы, правящей животным и растительным

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
миром. Гете лишает вопрос "кто я?" всей остроты, ставя его в традиционной
форме – "что я такое?".

Но под покровом официальных идей скрывается Гете, неустанно постигающий тайну подлинного "я", которая остается позади нашей действительной жизни, как ее загадочный источник, как напряженная кисть позади брошенного копья, и которая не умещается ни в одну из внешних и космических категорий. Так, в "Поэзии и правде"[11] он пишет: "Все люди с хорошими задатками на более высокой ступени развития замечают, что призваны играть в мире двойную роль реальную и идеальную; в этом-то ощущении и следует искать основы всех благородных поступков. Что дано нам для исполнения первой, мы вскоре узнаем слишком хорошо, вторая же редко до конца уясняется нам. Где бы ни искал человек своего высшего назначения – на земле или на небе, в настоящем или в будущем, – изнутри он все равно подвержен вечному колебанию, а извне – вечно разрушающему воздействию, покуда он раз и навсегда не решится признать: правильно лишь то, что ему соответствует".

Это "я", или наш жизненный проект, то, "чем мы должны стать", он называет здесь Bestimmung[12]. Но это слово столь же двусмысленно, как и "судьба" (Schicksal). Что такое наша судьба, внутренняя или внешняя: то, чем мы должны были стать, или то, чем заставляет нас стать наш характер или мир? Вот почему Гете различает реальную (действительную) и идеальную (высшую) судьбу, которая, видимо, и является подлинной. Другая судьба – результат деформации, которую производит в нас мир со своим "вечно разрушающим воздействием", дезориентирующим нас относительно подлинной судьбы.

Однако Гете здесь остается в плену у традиционной идеи, не разделяющей "я", которым должен быть каждый помимо собственной воли, и нормативное, нарицательное "я", "которым следует быть", индивидуальную и неизбежную судьбу с "этической" судьбой человека. Последняя лишь определенное мироощущение, с помощью которого человек стремится оправдать свое существование в абстрактном смысле. Эта двойственность, смешение понятий, на которое его толкает традиция, – причина "вечного колебания", ewiges Schwanken, ибо, как и все "интеллектуальное", наша этическая судьба всегда будет ставиться под сомнение. Он понимает, что изначальная этическая норма не может быть сопоставлена с жизнью, ибо последняя в конечном счете способна без нее обойтись. Он предчувствует, что жизнь этически сама по себе, в более радикальном смысле слова; что императив для человека – часть его собственной реальности. Человек, чья энтелехия состоит, в том, чтобы быть вором, должен им быть, даже если его моральные устои противоречат этому, подавляя неумолимую судьбу и приводя его действительную жизнь в соответствие с нормами общества. Ужасно, но это так: человек, соответствующий быть вором, делает виртуозное усилие воли и избегает судьбы вора, фальсифицируя тем самым свою жизнь[*Главный вопрос в том, действительно ли вор – форма подлинно человеческого, то есть существует ли "прирожденный вор" в гораздо более радикальном смысле, чем тот, который предлагает Ломброзо]. Таким образом, нельзя смешивать "следует быть" морали, относящейся к интеллектуальной сфере, с "должно быть" личного призвания, уходящим в самые глубокие и первичные слои нашего бытия. Все разумное и волевое вторично, ибо оно уже реакция на наше радикальное бытие. Человеческий интеллект направлен на решение лишь тех проблем, которые уже поставила перед ним внутренняя судьба.

Поэтому в конце приведенной цитаты Гете исправляет двусмысленность:
"...правильно лишь то, что ему соответствует" ("was ihm gemäß ist").
Императив интеллектуальной и абстрактной этики замещен внутренним, конкретным, жизненным.

Человек признает свое "я", свое исключительное призвание, исходя всякий раз из удовольствия или неудовольствия в каждой из ситуаций. Словно стрелка чувствительного прибора, несчастье предупреждает, когда его действительная жизнь воплощает его жизненную программу, его энтелехию, и когда она отклоняется от нее. Так, в 1829 году он говорит Эккерману: "Помыслы и мечты человека всегда устремлены к внешнему миру, его окружающему, и заботиться ему надо о познании этого мира, о том, чтобы поставить его себе на службу, поскольку это нужно для его целей. Себя же он познает, лишь когда страдает или радуется, и, следовательно, лишь через страдания и радость открывает он самого себя, уясняет себе, что ему должно искать и чего опасаться. Вообще же человек создание темное, он не знает, откуда происходит и куда идет, мало знает о мире и еще меньше о себе самом".

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
Лишь через страдания и радость открывает он самого себя. Кто же тот "сам", который познает себя лишь a posteriori[13], сталкиваясь с происходящим? Очевидно, это жизненный проект, который, когда человек страдает, не совпадает с его действительной жизнью, и тогда человек переживает распад, раздвоение – на того, кем он должен был быть, и на того, кем он стал в итоге. Это несовпадение прорывается скорбью, тоской, гневом, плохим настроением, внутренней пустотой, и, наоборот, совпадение рождает чудесное ощущение счастья.

Как ни странно, никто не обратил внимания на вопиющее противоречие между идеями мыслителя Гете о мире (а это у Гете – наименее ценное), то есть между его оптимизмом в духе Спинозы, его Naturfrommigkeit[14], его ботаническим представлением о жизни, по которому все в ней должно протекать легко, без мучительных срывов, в согласии с благой космической необходимостью, – и его собственной жизнью, творчеством. Для растения, животного, звезды жить – значит не испытывать ни малейшего сомнения по поводу собственного бытия. Ни один из них не должен каждый миг решать, чем он будет потом. Поэтому их жизнь не драма, а... эволюция. Жизнь человека абсолютно противоположное: для него жить означает всякое мгновение решать, что он будет делать в ближайшем будущем, для чего ему необходимо осознать план, проект своего бытия. Существующее непонимание Гете поистине достигает здесь своего апогея. Это был человек, который искал или избегал себя, – то есть абсолютная противоположность стремлению полностью осуществиться. Ведь последнее не предполагает сомнений относительно того, кто ты есть. Иными словами, как только в этом вопросе достигнута ясность, человек готов осуществить себя, – остается сосредоточиться на подробностях исполнения.

Значительная часть творческого наследия Гете (его Вертер, его Фауст, его Мейстер) – галерея скитальцев, которые странствуют в мире, ища свою внутреннюю судьбу или... избегая ее.

Я не буду входить в подробности, поскольку не намерен казаться знатоком творчества Гете. Не забывайте: мое письмо – это вопросы, обращенные к Вам, это сомнения, которые я надеюсь разрешить с Вашей помощью. В этой связи позволю себе выразить крайнее удивление перед фактом, который почему-то представляется всем совершенно естественным: каким образом такой человек, как Гете, развившийся настолько рано, что до тридцати лет создал, хотя и не завершил, свои основные произведения, на рубеже сорока, во время путешествия в Италию, все еще спрашивает себя, поэт ли он, художник или ученый; так, 14 марта 1788 года он пишет из Рима: "Мне впервые удалось найти самого себя, и я счастливо совпал с собою". Самое печальное то, что, по-видимому, он ошибался и на протяжении десятилетий ему еще предстояло странствовать в поисках того "самого себя", с которым он как будто бы встретился в Риме.

Обыкновенно трагедию видели в том, что на человека обрушивалась чудовищная внешняя судьба и с неумолимой жестокостью погребала под собой несчастную жертву. Однако трагедия Фауста и история Мейстера – нечто совершенно противоположное: в обоих случаях вся драма – в том, что человек отправляется искать свою внутреннюю судьбу, являя миру образ одинокого странника, которому так и не суждено встретиться с собственной жизнью. В первом случае жизнь встречает проблемы, здесь же проблема – сама жизнь. С Вертером, Фаустом, Мейстером происходит то же, что и с Гомункулусом: они хотят быть, но не знают как, иными словами, не знают, кем быть. Решение, которое Гете навязал Мейстеру, предложив ему посвятить себя хирургии, настолько произвольно и легкомысленно, что недостойно своего автора: представьте себе Гете, который навеки остался в Риме – перерисовывать безрукие и безногие торсы античных скульптур! Судьба – это то, чего не выбирают.

Немецкие профессора приложили титанические усилия, чтобы привести в соответствие произведения Гете с его идеями о жизни. Разумеется, им не удалось достичь своей искусственной цели. Куда плодотворнее было бы исходить из обратного: признать очевидное противоречие между оптимистической концепцией природы, верой в космос, пронизывающей все отношения Гете с миром, и его вечной, неустанной, ни на минуту не оставляющей в покое заботой о собственной жизни. Только признав это противоречие, можно попытаться его снять, привести к единой системе объяснения. Система, объединяющая противоречия того или иного существования, и есть биография.

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org

Как видите, у меня о Гете самое наивное представление. Быть может, именно потому, что я недостаточно хорошо знаю Гете, все в нем представляется мне проблемой. Для меня загадка даже самые незначительные черты его характера, самые пустяковые приключения. К примеру, я никак не могу понять, почему биографы не хотят объяснить нам того факта, что Гете, чья жизнь, по всей вероятности, в целом сложилась успешно, был человеком (и об этом сохранилось немало документальных свидетельств), проведшим большинство дней своей жизни в дурном расположении духа. Внешние обстоятельства его жизни кажутся – по крайней мере биографам – благоприятными. Он, без сомнения, обладал Frohnatur, веселым характером. Почему же тогда он так часто был в дурном расположении духа?

"So still und so sinnig!

Es fehlt dir was, gesteh es frei".

zufrieden bin ich,

Aber mir ist nicht wohl dabei"[15].

Дурное расположение духа – достаточно очевидный симптом того, что человек живет наперекор своему призванию.

То же можно сказать о его "застывшей", перпендикулярной походке. По характеру Гете чрезвычайно эластичен, подвижен, чуток. Его отзывчивость, душевное богатство, внимание к своему окружению необыкновенны. Откуда же эта скованность, отсутствие гибкости? Почему он нес свое тело словно штандарт на городских празднествах? И не говорите мне: это не важно. "Фигура человека лучший из текстов, на основании которого можно о нем судить" ("Стелла")[16]. Что если я попрошу Вас посвятить Гете некий "физиогномический фрагмент". В этой связи обратите особое внимание на записи в "дневнике" Фридрихи Брион[17] с 7 по 12 июля 1795 года, например: "...горькое безразличие, словно облако, омрачило его чело". Но еще важнее последующие, которых я не стану упоминать, чтобы не излагать Вам свою точку зрения по этому поводу. И не забудьте о "тех неприятных складках у рта", которые упоминает в своем дневнике Лейзевиц – 14 августа 1790 года – и которые можно видеть почти на всех юношеских портретах Гете.

Боюсь, если Вы последуете моим советам, в Германии разразится скандал этот образ Гете окажется совершенной противоположностью застывшему символу, традиционно изображаемому в Евангелиях, вышедших из немецкой печати до настоящего времени. В самом деле, можно ли свершить большее святотатство, чем попытаться представить Гете человеком высокоодаренным, обладающим огромную внутренней силой, чудесным характером – энергичным, ясным, великодушным, веселым и в то же время постоянно неверным своей судьбе. Отсюда его вечно дурное расположение духа, скованность, стремление обособиться от других, разочарованный вид. Это была жизнь a rebours[18]. Биографы ограничиваются тем, что наблюдают эти способности, этот характер в действии, и они действительно достойны восхищения, предлагая волнующее зрелище всем, кто ограничивается видимостью существования. Однако жизнь человека не просто работа тех изоощренных механизмов, которые вложило в него Провидение. Гораздо важнее вопрос: кому они служат? Служил ли человек Гете своему призванию или оказался вечным изменником своей тайной судьбе? Я, понятно, не собираюсь решать этой дилеммы. Но именно в этом и состоит серьезная, радикальная операция, о которой я говорил и которую может попытаться осуществить только немец.

Не стану, однако, скрывать от Вас своего, быть может, ложного впечатления, что в жизни Гете было слишком много бегства. В юности убегают ото всех своих возлюбленных. Он бежит от своей писательской жизни, чтобы окунуться в грустную атмосферу Веймара. Веймар – самое значительное mal entendu[19] в истории немецкой литературы, которая, по-видимому, является первой литературой мира. Даже если мое утверждение покажется Вам глубоко ошибочным и парадоксальным и даже если Вы окажетесь совершенно правы, поверьте, у моей точки зрения вполне достаточно оснований! Но затем Гете бежит из Веймара (который сам по себе был его первым бегством), и на этот раз в его побеге есть что-то детективное: от надворного советника Гете он бежит к торговцу Иоганну Филиппу Мейеру[20], который после этого становится сорокалетним учеником живописи в Риме.

Биографы, как страусы, готовы глотать камни гетевского пейзажа словно розы.

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
Они хотят убедить нас, будто все любовные бегства Гете – уход от судьбы. стремление любой ценой остаться верным своему истинному призванию. Но в чем оно?

Не буду злоупотреблять Вашим терпением и разворачивать здесь свою теорию призвания, поскольку это целая философия. Ограничусь одним замечанием: хотя призвание всегда в высшей степени лично, его составные части, безусловно, весьма разнородны. Сколь бы индивидуальны Вы ни были, дорогой друг, прежде всего Вы – человек, немец или француз, и принадлежите к своему времени, а каждое из этих понятий влечет за собой целый репертуар определяющих моментов судьбы. Но все они станут судьбой лишь тогда, когда получат отчетливое клеймо индивидуальности. Судьба никогда не бывает чем-то общим или абстрактным, хоть и не все судьбы одинаково конкретны.

Есть мужчины, рожденные любить одну женщину, а потому вероятность встречи с ней равна для них нулю. Однако, по счастью, большинство мужчин заключают в себе более или менее разнообразную любовную судьбу и могут осуществить свое чувство на бесчисленных легионах женственности определенного типа. Проще говоря, один любит блондинок, другой – брюнеток. Когда говорят о жизни, то каждое слово должно быть помечено соответствующим индексом индивидуализации. Эта печальная необходимость принадлежит уже к судьбе человека как такового: чтобы жить как единица, он должен говорить вообще.

Призвание Гете!.. Если в мире есть что-то ясное, – вот оно. Разумеется, было бы грубой ошибкой считать, что призвание человека совпадает с его явными талантами. Шлегель говорил: "К чему есть вкус, есть и гений"[21]. Столь категоричная формула представляется мне подозрительной, как и обратное суждение. Вне всяких сомнений, развитие какой-либо замечательной способности, естественно, приносит глубокое удовлетворение. Но этот вкус, или естественное наслаждение, – не счастье осуществленной судьбы. Порой призвание не приближает нас к дару, порой ему суждено развиваться в совершенно противоположном направлении. Случается, и так произошло с Гете, что невероятное богатство способностей дезориентирует и затрудняет осуществление призвания, по крайней мере в главном. Однако, если отбросить частности, мы видим: радикальная судьба Гете заключалась в том, чтобы быть первой ласточкой. Он пришел на эту землю с миссией стать немецким писателем, который должен был произвести революцию в литературе своей страны и тем самым во всей мировой литературе[*я настаиваю на том, что здесь дано лишь самое общее определение призвания Гете, самого главного в его призвании. Только развивая теорию призвания, можно добиться достаточной ясности в той проблеме, о которой здесь сказано весьма кратко]. У нас нет времени и места говорить конкретнее. Если как следует встряхнуть произведение Гете, от них уцелеет лишь несколько искаленных строчек, которые можно мысленно восстановить, подобно тому как взгляд восстанавливает разрушенную арку, уставившую в небо обломки. Это и есть подлинный профиль его литературной миссии.

Гете Страсбурга, Вецлара, Франкfurта[22] еще нам позволяет сказать: *wie wahr, wie seind*["какой правдоподобный, какой реальный!" – так Гете сказал об ослике, который грелся на солнышке]. Несмотря на всю его молодость, несмотря на то, что молодость – это воплощенное "еще не".

Но Гете принимает приглашение Великого Герцога. И здесь я предлагаю Вам вообразить себе жизнь Гете без Веймара, Гете, целиком погруженного в существование бродящей, полной молодых соков Германии, вдыхающей мир полной грудью. Представьте себе Гете-скитальца, без крыши над головой, без надежной экономической и социальной поддержки, без тщательно приведенных в порядок ящиков, куда помещены папки с гравюрами, к которым, возможно, он никогда и не обратится, иными словами, полную противоположность двадцатипятилетнему затворнику под стерильным стеклянным колпаком Веймара, тщательно засушенному в *Geheimrat*[23]. Жизнь – наша реакция на радикальную опасность (угрозу), саму материю существования. И потому для человека нет ничего опаснее очевидной, чрезмерной безопасности. Вот причина вечного вырождения аристократий. Какую радость доставил бы человечеству Гете в опасности, Гете, стиснутый своим окружением, с невиданным упорством развивающий сказочные творческие способности!

Но в тот решительный час, когда в гордую душу Гете ворвалась героическая весна подлинной немецкой литературы, Веймар отрезал его от Германии, вырвал с корнем из родной почвы и пересадила в бесплодный, сухой горшок смешного двора лилипутов. Какое-то время, проведенное в Веймаре (как на курорте!),

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org безусловно, пошло бы ему на пользу. Немецкая литература, основателем которой мог быть только Гете, – это единство бури и меры, Sturm und Mass. Sturm чувства и фантазии, которых лишены прочие европейские литературы; Mass, которой в разной степени, хотя и безмерно, наделены Франция и Италия. С 1770 по 1830 год всякий истинный немец мог принести свой камень на памятник Sturm. Даже посткантианская философия – не что иное, как Sturm! Но немец обыкновенно бывает только Sturm – не знающим меры. Furor teutonicus[24] заставляет его выходить за рамки привычного бытия. Только вообразите – я уже не говорю о поэтах! – что Фихте, Шеллинг, Гегель обладали заодно и bon sens[25]! Все дело в том, что Гете чудесно объединял в себе оба начала. Его Sturm достиг достаточного развития. Следовало развить и другой не менее важный момент. Вот зачем он отправляется в Веймар – пройти курс подлинного "ифигенизма"[26]. Пока все хорошо. Но зачем же остался в Веймаре этот человек, готовый в любую минуту удариться в бегство? Более того, десять лет спустя он опять бежит – и возвращается вновь. Его временное бегство неопровержимо свидетельствует: Гете должен был покинуть двор Карла Августа. Мы можем проследить практически день за днем то своеобразное окаменение, в которое подвергает его Веймар. Человек превращается в статую. Статуи не могут дышать, ибо лишены атмосферы. Это как бы лунная фауна. Жизнь Гете движется против его судьбы и начинает себя изживать. Мера становится чрезмерной и вытесняет материю его судьбы. Гете – костер, который требует много дров. Но в Веймаре нет атмосферы, а значит, и дров. Веймар – геометрическое построение. Великое Герцогство Абстракции, Имитации, неподлинного. Это царство "как будто бы".

На побережье Средиземного моря раскинулось небольшое андалузское селение, носящее чудесное имя Марбелья[27]. Четверть века тому назад там проживало несколько семей старинного рода, которые, всячески кичась благородством происхождения, то и дело устраивали шумные празднества в несколько помпезном и анахроническом духе. Окрестные жители сложили о них такое четверостишие:

"Как будто бы сеньоры

Потешили весь мир:

Ведя в как будто граде

Как будто бы турнир!"

Теперь мы уже не можем сказать о Гете – wie seind! Несколько кратких эскапад, когда он отдается на волю судьбы, только подтверждают наше предположение. Его жизнь странным образом не может насытить себя. Все, что он есть, не радикально и не полно: он – министр, который на самом деле таковым не является. Он – regisseur, который ненавидит театр, и поэтому вовсе не regisseur; он – натуралист, которому так и не удалось стать натуралистом, и поскольку милостью божьей он прежде всего поэт, Гете заставляет живущего в нем поэта посещать рудник в Ильменау[28] и вербовать солдат, гарцуя на казенном коне по кличке Поэзия (я был бы весьма признателен, если бы Вам удалось доказать, что этот как будто бы конь выдумка очередного недоброжелателя).

Вот страшное подтверждение тому, что человек располагает лишь одной подлинной жизнью, той, которой требует от него призвание. Когда же свобода заставляет Гете отрицать свое неустранимое "я", подменяя его на произвольное другое – произвольное, несмотря на самые почтенные "основания", – он начинает влачить призрачное, пустое существование между... "поэзией и правдой". Привыкнув к такому положению вещей, Гете кончает потребностью в правде, и подобно тому, как у Мидаса все превращается в золото, у Гете все испаряется в бестелесных, летучих символах. Отсюда его как будто бы любовные увлечения зрелой поры. Уже отношения с Шарлоттой фон Штейн[29] довольно сомнительны, и мы бы никогда их не поняли, если бы его как будто бы приключение с Виллемер[30] окончательно не прояснило для нас той способности к ирреализму, которой достиг этот человек. Если жизнь – символ, не нужно отдавать чему-либо предпочтение. Спишь ли ты с Christelchen[31] или женишься в "идеально-пигмалионическом" смысле[*См.: итальянское путешествие (Рим, апрель 1788 года)] на скульптуре из Палаццо Калабрано – все равно. Однако судьба – полная противоположность подобному "все равно", подобному символизму!

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
Проследим возникновение какой-либо идеи. Любая наша идея – реакция, положительная или отрицательная, на положения, в которые нас ставит судьба. Человек, ведущий неподлинное, подменное существование, нуждается в самооправдании. (Я не могу объяснить Вам здесь, почему самооправдание – один из основных компонентов любой жизни, и мнимой и подлинной. Не оправдывая собственной жизни в своих глазах, человек не только не может жить, – он не может и шагу сделать. Отсюда – миф символизма. Я не ставлю под сомнение его истинность или ложность ни в одном из многих возможных смыслов – сейчас речь идет лишь о его источнике и жизненной истине.

"Я на всю свою деятельность и достижения всегда смотрел символически, и мне было в конечном счете довольно безразлично, делать горшки или блюда" ("ziemlich gleichgültig"). Эти неоднократно истолкованные слова слетают с уст Гете в старости и, плавно паря, мягко опускаются в юности на Вертерову могилу. Бескровное вертерианство! Что в одном случае сделал пистолет, в другом – равнодушие. Если все созданное человеком – чистый символ, то какова окончательная реальность, символизируемая в этой деятельности? И в чем состоит подлинное дело? Ибо, без сомнения, жизнь – дело. И если то, что действительно следует делать, не горшки и не блюда, это обязательно что-то еще. Но что именно? Какова истинная жизнь, по мнению Гете? Очевидно, окончательная реальность для каждой конкретной жизни является тем же, чем является Urpflanze (прарастение) для каждого растения – чистой жизненной формой без определенного содержания. Можно ли, дорогой друг, глубже извратить истину? Ведь жизнь – это неизбежная потребность определиться, вписать себя целиком в исключительную судьбу, принять ее, иными словами, решиться быть ею. Независимо от наших желаний мы обязаны осуществить наш "персонаж", наше призвание, нашу жизненную программу, нашу "энтелехию". Пусть даже у этой ужасной реальности, нашего подлинного "я", много имен! А значит, жизнь движима совершенно иным требованием, нежели совет Гете удалиться с конкретной периферии, где жизнь начертала свой исключительный контур, к ее абстрактному центру, к Urleben, пражизни. От бытия действительного – к бытию чистому и возможному. Ибо это и есть Urpflanze и Urleben – неограниченная возможность. Гете отказывается подчинить себя конкретной судьбе, которая, по определению, оставляет человеку только одну возможность, исключая все остальные. Он хочет сохранить за собой право распоряжаться. Всегда. Его жизненное сознание, более глубокое и первичное, чем Bewußtsein überhaupt ("сознание вообще"), подсказывает, что это великий грех, и он ищет себе оправдания. Но в чем? Он подкупает себя двумя идеями, первая из которых – идея деятельности (Tätigkeit). "Ты должен быть!" говорила ему жизнь, которой всегда дан голос, ибо она – призвание. И он защищался: "Я уже есть, ибо я неустанно действую – леплю горшки, блюда, не зная ни минуты покоя". "Этого мало, – не унималась жизнь. – Дело не в горшках и не в блюдах. Нужно не только действовать. Ты должен делать свое "я", свою исключительную судьбу. Ты должен решиться... Окончательно. Жить полной жизнью – значит быть кем-то окончательно". И тогда Гете – великий соблазнитель – попытался соблазнить свою жизнь сладкой песней другой идеи символизма. "Подлинная жизнь – Urleben – отказывается (entsagen) подчиниться определенной форме", – нежно напевал Вольфганг своему обвинителю – сердцу.

Нет ничего удивительного, что Шиллер разочаровался, впервые увидев Веймарского придворного. Он передал свое первое искреннее впечатление, еще не попав под влияние того charme, которым Гете околдовывал всякого, кто какое-то время находился рядом. Шиллер – полная противоположность. Бесконечно менее одаренный, он обращает к миру свой четкий профиль покрытый пеной таран боевой триремы, бесстрашно взрезающей волны судьбы. А Гете! "Er bekennt sich zu Nichts". – "Он ни к чему не привязан". "Er ist an Nichts zu fassen". – "Его не за что зацепить".

Отсюда упорное стремление Гете оправдать в собственных глазах идею любой реальности sub specie aeternitatis[32]: если есть прарастение и пражизнь, то есть и прапоэзия без времени, места, определенного облика. Вся жизнь Гете – стремление освободиться от пространственно-временной зависимости, от реального проявления судьбы, в котором как раз и заключается жизнь. Он тяготеет к утопизму и укротизму. Любопытно, как деформировано в нем человеческое. Родоначальник высокой поэзии, вещающей от имени сугубо личного "я", затерянного в мире, в своей внешней судьбе он до такой степени плыл против собственного призвания, что кончил полной неспособностью что-либо делать от себя лично. Чтобы творить, он должен сначала вообразить себя кем-то другим: греком, персом (горшки, блюда). Это наименее очевидные и наиболее значимые бегства Гете: на Олимп, на Восток. Он не может говорить

Ортега и Гассет Хосе В поисках Гете filosoff.org
от лица своего неизбежного "я", от лица своей Германии. Судьба должна заставить его врасплох, чтобы им овладела новая идея Германии и он создал "Hermann und Dorothea"[33]. Но и тогда Гете пользуется гекзаметром – ортопедическим аппаратом, помещающим свой механический остов между замыслом и произведением. Отсюда неизбежная дистанция, торжественность и однообразие, лишаящие "Германа и Доротею" художественной ценности, зато придающие им... species aeternitatis[34].

Все дело в том, что такой species aeternitatis не существует. И это не случайно. Действительно – только реальное, составляющее судьбу. Но реальное – никогда не species, не видимость, не зрелище, не предмет наблюдения. Все это как раз ирреальное. Это наша идея, а не наше бытие. Европа должна избавиться от идеализма – вот единственный способ преодолеть заодно и любой материализм, позитивизм, утопизм. Идеи слишком близки нашему настроению. Они послушны ему и потому легко устранимы. Конечно, мы должны жить с идеями, но не от имени наших идей, а от имени нашей неизбежной, грозной судьбы. Именно она должна судить наши идеи, а не наоборот. Первобытный человек ощущал себя потерянным в материальном мире, в своей первобытной чаще, а мы потеряны в мире идей, заявляющих нам о своем существовании, как будто они с изрядным равнодушием были кем-то выставлены на витрине абсолютно равных возможностей (Ziemlich-gleichgultigkeiten). Вот что такое наши идеи, иными словами – наша культура. Современный кризис не просто кризис культуры; скорее, он обусловлен местом, которое мы ей отводим. Мы помещали культуру до и сверх жизни, в то время как она должна находиться за и под ней. Хватит запрягать волов за телегой!

Жизнь – отказ от права распоряжаться. В чистом праве распоряжаться и состоит отличие юности от зрелости. Поскольку юноша еще не представляет собой чего-то определенного, неизбежного, он – любая возможность. Вот его сила и его слабость. Ощущая потенциальные способности ко всему, он полагает, что так и есть. Юноше не нужно жить из себя самого: потенциально он живет всегда чужими жизнями – он одновременно Гомер и Александр, Ньютон, Кант, Наполеон, Дон-Хуан. Он – наследник всех этих жизней. Юноша – всегда патриций, "сеньорито". Возрастающая небезопасность существования, уничтожая эти возможности одну за другой, приближает его к зрелости. Теперь представьте человека, который в пору юности чудесным образом оказался в ненормально безопасных условиях. Что с ним будет? Вполне вероятно, он останется молодым. Его стремление сохранить за собой право распоряжаться поддержано, развито, закреплено. На мой взгляд, это и произошло с Гете. Как все великие поэты, он был органически предрасположен навсегда остаться юным. Поэзия – перебродившая и тем самым сохраненная юность. Отсюда в пожилом Гете неожиданные ростки эротизма со всеми атрибутами весны – радостью, меланхолией, стихами. Решающую роль сыграли здесь внешние обстоятельства, в которых Гете оказался на закате первой, подлинной юности. Обыкновенно это первый час, когда мы испытываем давление окружающего. Начало серьезных экономических трудностей, начало борьбы с другими. Индивид впервые встречается с упорством, горечью, враждебностью человеческих обстоятельств. Эта первая атака либо раз и навсегда уничтожает в нас всякую героическую решимость быть тем, что мы втайне есть, – и тогда в нас рождается обыватель, либо, наоборот, столкновение с тем, что нам – противостоит (Универсумом), открывает нам наше "я" и мы принимаем решение быть, осуществиться, отчеканить свой профиль на собственной внешней судьбе. Но если в этот первый решительный час мир не оказывает нам никакого сопротивления и, мягко обтекая нас, обнаруживает чудесную готовность выполнить все желания, – тогда наше "я" погружается в сладкий сон: вместо того чтобы познать себя, оно так и остается неопределенным. Ничто так не ослабляет глубинных механизмов жизни, как избыток легких возможностей. В решающую для Гете пору эту роль сыграл Веймар. Он сохранил в нем его юность, и Гете оставил за собой вечное право распоряжаться. Для него была разом решена экономическая проблема будущего, причем от него самого ничего не потребовалось взамен. Гете привык плыть по жизни, забыв, что потерпел кораблекрушение. То, что было его судьбой, выродилось в увлечения. Даже в последних днях его жизни я не вижу ни малейшего болезненного усилия. Усилие возникает только при ощущении боли; все прочее... "деятельность", усилие без усилия, производимое растением с целью цвести и плодоносить. Гете становится вегетативным образованием. Растение – органическое существо, не преодолевающее свое окружение. Вот почему оно может жить только в благоприятной среде, которая его поддерживает, питает, балует. Веймар – шелковый кокон, сплетенный личинкой, чтобы укрыться от внешнего мира. Вы, пожалуй, скажете, что я страдаю какой-то веймарофобией. Кто знает... Позвольте мне, однако, еще одно замечание.

Дорогой друг. Вы – умный немец. Поэтому я и прошу Вас представить, или, как выражаются англичане, "реализовать", значение слов "Йенский университет" между 1790 и 1825 годами. Ведь вам доводилось слышать: "Йена, Йена!" За тысячи километров расстояния, отделенный еще большим числом культурных различий, я, невзрачный кельтибериец[35], возросший на безводной средиземноморской возвышенности на высоте восьмисот метров над уровнем моря – такова средняя африканская высота, – не могу слышать это имя без дрожи. Йена того времени – сказочное богатство высоких движений духа. Разве об удивительной замкнутости Веймара не говорит тот факт, что Йена, расположенная всего в двадцати километрах, ничего о нем не слыхала. Не могу себе представить Фихте, беседующего с госпожой Штейн. Разве может буйвол разговаривать с тенью?

...А натура Гете была столь блистательна! С какой радостью откликнулся он на всякое проявление подлинного мира, который у него отбирали! Нужно было совсем немного горючего материала, чтобы он вспыхнул ярким пламенем. Все что угодно – поездка на Рейн, отдых в Мариенбаде, красивая женщина, проплывшая над Веймаром словно облако... пламя, пламя!

Веймар надежно спрятал его от мира, а значит, и от себя самого. Гете потому столь упорно преследовал собственную судьбу и столь смутно ее представлял, что, желая столкнуться с ней, заранее был готов от нее убежать! Иногда, завернув за угол, он неожиданно встречал "я", которым был, и с завидной простотой восклицал: "Eigentlich bin ich zum Schriftsteller geboren!" – "я в самом деле рожден писателем!"

Под конец Гете стал испытывать что-то среднее между страхом и ненавистью ко всему, что подталкивало к окончательному решению. Подобно тому как он бежит от любви, лишь только она разверзается неотвратимой бездной, иными словами, судьбой, он бежит от французской революции, от восстания в Германии. Почему? Наполеон ответил ему: "Политика – это судьба". Et cetera, et cetera[36]. Тема неисчерпаема. Я взял ее только с одной стороны, в одном из моментов и потому преувеличил. Однако, думая, рассуждая, мы всегда преувеличиваем. Мы стремимся внести ясность в предметы, и это заставляет нас заострять, разлагать, схематизировать их. Любое понятие – преувеличение.

Теперь следует показать, как Гете, бесполезный для своего "я", научил каждого верно служить нашему конкретному "я". Однако это способны сделать лишь Вы. На мой взгляд, нет ничего привлекательнее такой задачи. Ведь все дело в том, что ни ботанические идеи Гете о жизни, ни его жизненная позиция не могут служить вступлением, хойдегетикой[37] для человека, желающего постичь собственное "я" или свою судьбу. И все же, оставляя в стороне и то и другое, нельзя не признать, что Гете – великое созвездие на нашем горизонте, подвигающее сделать окончательный выбор: "Освободись ото всего прочего ради себя самого".

Я утверждаю: правильно увидеть Гете, открыть в нем именно этот исходный смысл, делающий Гете нужным каждому человеку, можно, только радикально пересмотрев традиционный подход к нему.

Есть только один способ спасти классика: самым решительным образом используя его для нашего собственного спасения, иными словами не обращая внимания на то, что он – классик, привлечь его к нам, осовременить, напоить кровью наших вен, насыщенной нашими страстями... и проблемами. Вместо того чтобы торжественно отмечать столетнюю годовщину, мы должны попытаться воскресить классика, снова ввергнув его в существование.

Четвертого июня 1866 года любимый ученик Моммзена представил к защите в Берлинском университете докторскую диссертацию: "Historiam puto scribendam esse et cum ira et cum studio"[38].

Наивно считать, будто *ira et studium* несовместимы с "объективностью". Разве сама "объективность" не одно из бесчисленных порождений человеческих *ira et studium*! Когда-то думали, что орхидеи не имеют корней и рождаются в воздухе. Было время, когда полагали, что и культуре не нужны корни. Как недавно... и как давно!

КОММЕНТАРИЙ

Письмо к немецкому другу

(Pidiendo un Goethe desde dentro. - Carta a un aleman).

- О.С., 4, p.395.

Написано для берлинского журнала "Die Neue Rundschau", опубликовано в его первом томе за 1932 г., в разделе "Литература, искусство, наука", в переводе, выполненном Хелен Вейль. Несмотря на то, что тема столетия со дня смерти И.-В. Гете редакцией не аннотировалась, участие в номере таких авторов, как Андре Жид, Герман Гессе, Эмиль Людвиг, Томас Манн, превратило это издание в юбилейное. В апреле 1932 г. напечатано в журнале "Ревиста де Оксиденте". В том же году Ортега издал большой сборник статей, в котором заглавное место заняла эта работа.

Значение данного очерка Ортега подчеркнул сам, назвав его "критикой жизненного разума". Это своего рода модель применения метода "жизненного разума" к осмыслению творчества выдающихся деятелей мировой культуры в свете "обстоятельств" их жизни, включающего наряду с индивидуальной биографией также ее социальный и исторический контекст. Впервые Ортега применяет здесь критерий своей "историологии": исследует возможности так называемого биографического метода.

Видимо, Ортега был удовлетворен результатами, так как уже в следующем году он прочел в Мадридском университете курс лекций под названием "Вокруг Галилея", частично тогда же опубликованный отдельным сборником (целиком он вышел в 1942 г.) под заголовком "Схема исторического кризиса"). Важно подчеркнуть, что теме "Галилей изнутри" здесь было отведено едва ли с десяток страниц, тогда как основной объем труда составила разработка теории и метода поколений в истории и исторической науке.

Для понимания очерков "В поисках Гете" и "Вокруг Галилея" следует учитывать их республиканский "контекст", обстановку, в которой Ортега работал над ними, а также его негативное отношение к развернувшейся в Испании острой классовой борьбе. Ортега считал, что как "левые", так и "правые" равно выступают в этой борьбе с позиции "экстремизма как формы жизни". Именно так формулировалась тема лекций, которые Ортега читал в 1933 г. в Летнем университете (разновидность "народного университета") г. Сантандера.

[1] "В начале было дело" (нем.). - цитата из Фауста.

[2] Реквизит (итал.).

[3] Духовной мощью (франц.).

[4] Определение Ортегой культуры как фактора "спасения" разъясняется им в толкованиях культуры как "упорядочения" (О. С., 1, p. 457), "уточнения" (p. 11), "согласия" (p. 148), "ясности" (p. 357, 358) и в других близких по смыслу терминах.

[5] Жизненный путь (латин.).

[6] изящное построение (нем.).

[7] из изобилия (латин.).

[8] Менее интеллектуализированным понятием, чем "перспективизм", Ортега считал, например, термин "динамический диалог" между индивидуумом и миром.

[9] С этим понятием у Гете связано бессмертие человеческого духа: "Я не сомневаюсь в продолжении нашего существования... Но не все мы бессмертны в одинаковой мере, и тот, кто хочет проявлять себя и в грядущем как великая энтелехия, должен быть ею уже теперь" (см.: Эккерман. Разговоры с Гете).

[10] Свои приоритеты в выдвижении и трактовке вопросов, поднятых М. Хайдеггером в "Бытие и времени" (1927), Ортега отстаивал также в предисловии к однотомнику сочинений 1932 г. (см.: О.С., 4).

[11] "Поэзия и правда", мемуары Гете, начатые в 1810 г.

[12] Определение (нем.).

[13] После опыта, опытным путем (латин.).

[14] Набожное отношение к природе (нем.). Так же Ортега расценивал и отношение к природе Тициана и Пуссена (см.: с. 84 настоящего издания).

[15] "Так тихо, и так мило!

Тебе недостает чего-то, признайся откровенно".

Я доволен,

Но все же мне не по себе."

(нем.).

[16] "Стелла" - драма Гете (1775).

[17] С Фридерикой Брион, дочь зезенгеймского священника, Гете был помолвлен в годы учебы в Страсбургском университете. В 1772 г. Гете навсегда покидает Эльзас, без какой-либо видимой причины оставляя любящую девушку, свою нареченную невесту.

[18] "наоборот" (франц.). - название романа Ш.-М.-Ж. Поисманса.

[19] Недоразумение (франц.).

[20] Гете отправился в Италию под чужим именем, выдавая себя за некоего Иоганна Филиппа Мейера, торговца, и был доволен, что это избавляло его от официальных церемоний.

[21] К этому необходимо добавить восприимчивость. Согласно Ф. Шлегелю, "вкус, или способность к прекрасному, формируется только в свободном наслаждении прекрасным", но не воспринимает (не схватывает) явление (изображение) и не созидает его. Схватывающей способностью обладает восприимчивость, тогда как гений, или способность к искусству, это искусство созидает (см.: Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., Искусство, 1983, с. 64-65).

[22] В Страсбурге проходят студенческие годы поэта; во Франкфурте, своем родном городе, и в Вецларе, резиденции всеимперского суда, Гете работает как адвокат.

[23] Тайный совет (нем.).

[24] Тевтонская ярость (латин.).

[25] Здравым смыслом (франц.).

[26] Имеется в виду философско-эстетическая позиция Гете, классика и гуманиста, который в начале веймарского периода верил в возможность совершенствования общества сверху, в удовлетворение народных нужд гуманными правителями, прошедшими школу "воспитания человека". В художественной практике эта концепция предполагала облагораживание человека "человечностью". Высшим образцом этой эстетико-этической тенденции стала драма "Ифигения в Тавриде", где Гете ведет своего героя, Ореста, от одержимости к умиротворению, от бунта к покорности.

[27] "прекрасное море" (исп.).

[28] Карл-Август, герцог Саксен-Веймарский, поручил своему новому министру Гете восстановление заброшенных рудников в Ильменау. Это предприятие, не оправдавшее себя (оскудение рудниковых залежей обнаружилось уже к концу XVIII в.) сильно увлекло Гете как натуралиста и государственного деятеля.

[29] Шарлотта фон Штейн - жена веймарского придворного; с ней поэта связывала многолетняя "любовная дружба", завесу над которой приоткрывает пьеса Гете "Брат и сестра". Известна их переписка, являющаяся ценным документом для изучения жизни и творчества Гете.

[30] Марианна фон Виллемер – платоническая любовь 65-летнего Гете, которая вдохновила поэта на написание "Западно-восточного дивана" и даже сама создала несколько стихотворений, вошедших в "Книгу Зулейки".

[31] Христиана Вульпиус, осиротевшая дочь простого купца. Гете встретился с ней в 1788 г. и посвятил ей "Римские элегии". Девятнадцать лет она была его гражданской женой, затем Гете вступил с ней в церковный брак, чем узаконил положение своего сына Августа.

[32] С точки зрения вечности (латин.).

[33] "Герман и Доротея"-поэма Гете (1797).

[34] Вид вечности (латин.).

[35] уроженец Испании (Celtiberia-латин.).

[36] и так далее и так далее (латин.).

[37] Хойдегетика (греч.). – введение в учение о пути.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!